

БОРИС КУРКИН

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК “БИБЛИЯ ДЖЕФФЕРСОНА”

Сектантские корни современной идеологии

4 июля в США отмечается День независимости. В этот день в 1776 году была провозглашена Декларация независимости. В океане литературы, посвящённой правам человека, она по праву занимает особое место. На неё как на некий политически “сакральный” текст ссылаются авторы, полагающие, что она стала краеугольным камнем доктрины прав человека. И это действительно так. Но важно при этом держать в уме целый ряд обстоятельств.

Одна и та же политическая идея может быть рассмотрена и в качестве чисто мирской, и в качестве религиозной, если автор изначально декларирует её в качестве таковой. Как правило, всё зависит от ракурса рассмотрения объекта, от методологии, применяемой аналитиком для понимания его сущности. Сказанное можно с полным правом отнести и к изучению смысла и содержания Декларации независимости США.

Для адекватного анализа Декларации необходимо исходить из ценностей и воззрений, которыми руководствовался её создатель, дабы исследовать объект не “от ветра головы своея”, а в полном соответствии с замыслом автора и контекстом эпохи. Отметим также, что при анализе Декларации как чисто мирского, целиком “посюстороннего” политического документа многие её смыслы остаются сокрытыми, а вместе с ними останется непонятым духовное качество новопровозглашённой государственности.

Автору Декларации независимости Томасу Джефферсону повезло: его манифест вошёл во все учебники истории и как только не превозносился.

История создания его весьма поучительна. Когда речь зашла о независимости английских колоний, дело сводилось к вопросам денег и власти. Или наоборот: власти и денег, а посему — независимости от Англии.

Огромных денег и огромной власти.

И вся Декларация по своей форме — это выплескивание на белый свет обид (подлинных и мнимых) на английскую корону в оправдание своего неповиновения и бунта.

По законам риторики всякий манифест нуждается в эффектной вводной части — интродукции. В XVIII веке ни одно серьёзное политическое заявление, исходящее от вышней власти или претендовавшее на широкий общественный резонанс, не могло обойтись без упоминания Господа Бога. Посему нет ничего удивительного в том, что текст Декларации под пером уже набившего руку сочинительством Джефферсона начался достаточно эффектной в идеологическом

плане фразой: *“Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: Жизнь, Свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди Людей Правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых”*.

Вчитаемся внимательно. По Джефферсону, люди созданы Богом равными, и все они наделены Им некими неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат “право на жизнь”, “право на свободу” и “право на стремление к счастью”.

К сожалению, Джефферсон уже не ответит на вопрос, в каких богословских трактатах и с помощью какой экзегетики он умудрился найти в Ветхом и Новом заветах озвученные им идеи.

Но даже если абстрагироваться от текста Библии, то и тогда возникают неясности. Что значит “право на жизнь”, ставшее в наше время модным тезисом? Тем более, если им наделяет Сам Бог? Получается, что право человека на жизнь корреспондируется с обязанностью Творца уважать дарованное Им же самим право своей твари? Самоограничение Божьей воли?

Идея самоограничения государства, выдвинутая в начале прошлого века германским правоведением, понятна, хотя и во многих отношениях сомнительна. Но самоограничение Бога?

С точки зрения христианского богословия, это безусловно “сильный ход”! Можно даже сказать – революционный!

Ведь что означает “равенство” людей в плане их сотворённости (“тварности”)? Люди – к счастью ли, к несчастью ли – не рождаются равными, хотя бы в своих способностях. И об этом свидетельствует житейский опыт.

В таком случае следует ли понимать слова Джефферсона в том смысле, что все люди сотворены равными в политических правах, поскольку именно о них зайдёт речь в Декларации и они станут главным, а по сути – единственным фундаментальным аргументом в пользу отделения от метрополии? Но какие именно “политические права” были у Адама и Евы, а также их потомства?

И, наконец, “третье право” – “право на стремление к счастью”. Фраза совершенно бессодержательная, а то и бессмысленная. К тому же, ни в Ветхом, ни в Новом завете счастья на земле человеку обещано не было, а идея рая на земле являет собой, с точки зрения христианства, лютую ересь. В Евангелии человеку было обещано спасение его бессмертной души. Разумеется, при соблюдении ряда условий, которые ясно, наглядно и подробно изложены в тексте Нового завета. И Джефферсон не мог не знать этого.

Есть такой метод – предлагать антоним к свежерождённой идее, дабы оценить степень осмысленности исходной. В нашем случае таковыми будут право на смерть, право на несвободу и право на несчастье. Что касается первого, то оно уже есть. Это – право на эвтаназию. Поговаривают уже и о детской эвтаназии.

Однако именно этот пассаж прославил отцов демократии США, подписавшихся под манифестом Джефферсона. Успех же его Декларации был обусловлен тем, что над смыслом её никто из революционизированной политической публики не задумывался, а обмирщение общественного сознания прогрессировало день ото дня. К тому же речь шла о политическом событии огромной важности, и Декларация независимости, которой сами её подписанты не придавали особого значения, стала символом американской революции, а для европейцев – торжеством идеи республиканизма и поражения ненавистной “просветителям” (“противоречащей идее Разума”) монархии.

Текст манифеста лёг просветителям на сердце, а о серьёзном анализе его никто и думать не хотел, ибо всякое серьёзное размышление над сказанным сводило бы к нулю идейно-политический эффект документа.

Те, кто стремился в Европе к власти (а стать ею можно было лишь окончательно свергнув монархию и дискредитировав её идею), восприняли Декларацию как абсолютное оружие. Интеллектуальные тонкости имели третьестепенное значение, если вообще имели какое-либо значение. Под агрессивным воздействием идей Просвещения мирозерцание “прогрессивной общественности” давно уже стало атеистическим, а упоминание по тому или иному случаю имени Бога становилось чисто риторическим, “ораторским приёмом”.

Не обходилось, впрочем, и без конфузов. Так, победившие во Франции, одержимые идеей борьбы с церковью революционеры, словно в насмешку над собой, учредили придуманный ими же самими государственный культ “Верховного Существа”. Его скульптурное изображение, укрытое покрывалом от глаз публики, таскали по случаю тех или иных революционных okazji на очередных государственно-политических мероприятиях.

Похоже, что скрытое от любопытных взглядов “Верховное Нечто” давало простор воображению публики. Кажется, это был первый в истории пример использования абстракционизма в наглядной агитации. Что ж, “не будешь поклоняться Богу, будешь поклоняться идолам”. Просуществовал же “культ Верховного Существа” всего несколько лет, после чего был списан в утиль.

Словом, даже революционеры осознавали недостаточность одних лишь политических идей для обоснования и упрочения собственной власти: требовалось более солидное, глубоко фундированное обоснование.

Сами же отцы американской демократии относились к Декларации как к дежурному и политически необходимому документу и особого значения ему не придавали¹. Зато они безжалостно выкинули из Декларации упоминание о несовместимости демократии и рабства: материальные интересы американских рабовладельцев Юга и работорговцев Севера не допускали даже беглого упоминания об этом. “Виргинская мафия”, верховодившая в континентальном Конгрессе, своё дело знала.

Рабовладельцем был и сам Джефферсон, и его рабы обеспечивали ему материальную возможность заниматься литературой и писать революционную Декларацию.

Любопытно, что даже исключение известного пассажа, в котором вся вина за “отвратительную” работорговлю и само рабство в выпренных выражениях возлагалась на короля Георга, в известном смысле “улучшило документ, ибо в данном случае и без “аптекарских весов” было ясно, что главную ответственность за это несут сами колонии”².

Словом, из текста Декларации вытекало, что жить в монархическом государстве, в котором отсутствует институт рабства, хуже, чем быть рабом в свободно-демократической республике. Однако европейских “просветителей” (в кавычках и без) и их идейных поклонников ничто в Декларации не смущало.

Но так порой случается в истории, вылетевшая воробьём проходная фраза становится знаменитой. Случается порой, что смысл сказанного открывается автору лишь позднее. Или не открывается вовсе.

Как справедливо отметил известный историк-американист В. О. Печатов, “единодушное одобрение конгрессом, в котором преобладали трезво-мыслящие буржуа, революционной преамбулы декларации было отнюдь не случайным. Она рассматривалась, прежде всего, как документ “психологической войны”, созданный на потребу дня и адресованный внешнему миру, а не как вечное обязательство перед своим собственным народом”³.

Что ж, документы и идеи, равно как и книги, имеют свою собственную судьбу (“динамику”, как сказали бы учёные люди). “Вводная” Джефферсона воспалила ум и сердце генерала Лафайета, выступившего 11 июля 1789 года с собственным проектом Декларации прав человека и гражданина: “Природа сделала людей свободными и равными, — говорил он, — необходимые отличия социального порядка могут быть основаны только на всеобщей пользе. Всякий человек рождается с неотчуждаемыми и неотъемлемыми правами, такими, как свобода убеждений, забота о своей чести и жизни, право на ответственность...”⁴

Как бы то ни было, а проект Лафайета стал первым документом о правах человека и гражданина не только во Франции, но и во всей Европе.

Джефферсон был не просто политический писатель. Уже будучи президентом Северо-Американских штатов, он в перерыве между государственными делами написал свою... Библию, получившую прозвание “Библии Джефферсона” — “The Jefferson Bible. The Life and Morals of Jesus of Nazareth”.

О своём труде Джефферсон писал в 1813 году своему confidentу Дж. Адамсу (второму по счёту президенту САСШ) следующее: “Мы должны свести наш объём к простым Евангелистам; выбрать даже из них только самые слова Иисуса, отсекая амфилогизмы⁵, в которые они были введены, часто забывая или не понимая, что выпало из Него, давая свои собственные неправильные представления в качестве его диктата и выражая непонятно для

других то, что они сами не понимали. Останется самый возвышенный и благожелательный кодекс морали, который когда-либо предлагался человеку. Я проделал эту операцию для собственного использования, вырезая стих за стихом из печатной книги и упорядочивая материал, который, очевидно, принадлежит Ему и который так же легко отличить, как алмазы в навозной куче. В результате получается октаво⁶ из сорока шести страниц”⁷.

Словом, творческая метода Джефферсона заключалась в том, чтобы вырезать из текста Нового завета слова Спасителя, сказанные Им Самим, а не в переложении евангелистов, хотя откуда человеку узнать о словах Спасителя, как не со слов евангелистов?

“Библия Джефферсона” отличалась изрядным новаторством: отрицались все чудеса, сотворённые Христом, включая воскрешение Лазаря, Воскресение Самого Христа, хождение Его по водам и т. д. Сам же Христос представлял в образе простого земного человека: отрицалось и непорочное зачатие Девы Марии от Святого Духа. Под такой “библией” мог подписаться любой не-сгибаемый атеист. Кстати, в атеизме обвиняли автора Декларации многие недруги Джефферсона, коих у него было немало.

Себя же Джефферсон считал настоящим христианином. Вот что писал он в 1816 году Ч. Томпсону по поводу своей “библии”: “Это документ, подтверждающий, что я настоящий христианин, то есть последователь учения Иисуса. <...> Если бы у меня было время, я бы добавил в свою маленькую книгу размещённые параллельно греческий, латинские и французские тексты”⁸.

По сути, предисловие к Декларации представляет собой ту самую “Библию от Джефферсона”, автор которой вещает даже не от Бога (потому что даже не лжёт: “Тако глаголет Господь Вседержитель”), а говорит прямо от самого себя — “самоочевидно, что...”

Логическим следствием идейно-религиозного посыла Декларации Джефферсона стало провозглашение права на революцию, на бунт.

Нельзя сказать, что Джефферсон был создателем принципа неповиновения и/или права на восстание. До него эту тему обсуждали многие писатели, в том числе и христианские. К их числу можно отнести Отцов Восточной церкви — так называемой каппадокийской школы: Василия Великого, Григория Нисского, Афанасия Великого — чьи труды оказали огромное влияние на труды Фомы Аквинского, выдвинувшего собственную концепцию сопротивления мирской власти. Однако здесь требуется сделать одно принципиальное уточнение: Отцы Восточной Церкви рассматривали вопрос о неповиновении мирской власти под особым углом зрения. Оно допускалось и даже приветствовалось в том случае, когда власть принуждает человека фактически порвать с Христом.

Выступил со своим трудом даже испанский профессор-иезуит из Толедо Х. Мариана (1536–1624), протестанты М. Лютер и Ф. Меланхтон.

Идею права на сопротивление власти выдвигали и светские писатели, например, Г. Гроций, А. Галлер, а И. Г. Фихте пытался обосновать даже право народа на революцию⁹. Однако идеи их были мнением весьма авторитетных, но всё же частных лиц, выразивших свою личную точку зрения, а не декларацией государственных мужей, да ещё по сугубо мирскому (денежному) поводу.

Провозгласив же право на революцию, отцы-основатели победившей американской демократии тотчас же свернули свой прежний лозунг. Показательна в связи с этим история утверждения проекта печати САСШ — символ новой власти.

Джефферсон, которому наряду с Франклином и Дж. Адамсом конгресс поручил и эту миссию, предложил изобразительное решение в духе своей преамбулы: Моисей, стоящий на берегу и простирающий свою длань над морем, повелевая ему поглотить фараона, сидящего в открытой колеснице с короной на голове и мечом в руке. С огненного столпа в небесах на Моисея падают лучи света, дабы подчеркнуть, что он действует по велению божества. “Восстание против тиранов есть послушание Богу”.

Сей девиз был предложен Б. Франклином. Лозунг, прямо скажем, богорборческий, поскольку английский король-“тиран” Георг при всём своём сумасбродстве уж никак не принуждал американских демократов и сепаратистов отрекаться от Христа.

Стоит ли напоминать, что, обретя суверенитет, отцы-основатели не включили в текст Конституции “естественное и неотъемлемое право на восстание”,

делом своим доказав, что такое “право” – идеологическая химера, идейная уловка. Отцы-основатели были трезвые политики-циники, не желавшие “бунта черни”.

Увековечить призыв к бунту в качестве эмблемы государственной власти? Выказав должную бдительность, конгресс в конце концов заменил тираноборца Моисея грозным монархического вида орлом (“этой отвратительной облезлой птицей”, по выражению Б. Франклина), а будоражащий девиз – подчеркнуто нейтральным “E Pluribus Unum” (“Из множества – единство”). Так оно и осталось по сей день, а Джефферсон, не желая расставаться с дорогим сердцу афоризмом, приберёг его для своей личной печати, скреплявшей частную корреспонденцию¹⁰.

Аналогия в предложенном Джефферсоном проекте государственной печати была совершенно прозрачной и очевидной.

Англия – Египет.

Сыновья Израиля – отцы-пилигримы.

Английский король, преследовавший сектантов, – фараон, гнавший сынов Израилевых. Уместно будет вспомнить, что костяк отцов-пилигримов, основавших США, составляли английские сектанты, преследовавшиеся в Англии, хотя в числе переселенцев были и не подвергавшиеся репрессиям баптисты.

Атлантика – Красное Море.

Переезд “отцов-пилигримов” в Виргинию – переход через Красное море под предводительством Моисея.

Америка – Новая Земля Обетованная.

Очевидно, что цареубийство (“тирана”) Джефферсон считал миссией от Бога.

На практике низвержение власти “тирана и сумасброда” короля Георга III на территории колоний привело к неожиданным последствиям. Как писал по сему поводу Г. Еллинек, “чрезвычайно интересно теперь вновь перечитать те выражения, в которых Гамильтон сравнивает в “Федералисте” только что созданную должность президента с английской королевской властью. Какой незначительной предполагалась тогда власть республиканского главы государства по сравнению с властью монархов! Отцы американской конституции совершенно не подозревали, что они на самом деле создавали институт, заключавший в себе несравненно больше действительных полномочий власти, чем их содержится в чисто формальных прерогативах короля”¹¹.

Разумеется, не Джефферсон придумал, что американцы (вернее, бежавшие из Англии отцы-пилигримы) считали себя Новым Израилем. В данном случае он был в “потоке” (“тренде”), и его пафос – это собирательный пафос конгломерата сект (сохранившегося и по сию пору), который представляли собой американские колонии. Джефферсон лишь положил на бумагу то, что было у всех на уме.

В замене же Моисея на римского орла любопытна борьба двух пафосов, двух парадигм – сектантской псевдобиблейской и языческой, безбожной, в которой Америка была не Новой Землёй Обетованной, а Третьим Римом (или воссозданным Первым!). Во всяком случае, третьим Царством, считая первое царство римских царей до республики, а второе – от римских императоров до Юлиана Отступника.

Эстафету американского (“демократического” – в кавычках и без) “тираноборства” подхватила революционная Франция, включившая во все три Декларации прав человека и гражданина (1789, 1791 и 1793 годов) положения, согласно которым право на сопротивление помещено среди естественных и изначальных прав человека. Порой дело доходило до абсурда, ибо как иначе можно расценивать ст. 34 Декларации прав человека и гражданина Франции 1793 года, гласившую: “Угнетение хотя бы одного только члена общества есть тем самым угнетение всего общественного союза”¹²?

В плане сочинения “благой вести” собственного розлива Джефферсон на целый век определил графа Л. Толстого, сподобившегося сочинить собственное “евангелие”. Однако последний был ещё более агрессивен. Граф возводил откровенные хулы на Богородицу, приводя в оторопь богобоязненных православных людей. По словам секретаря и личного доктора графа Д. П. Маковицкого, некий полицейский чин, прибывший в Ясную Поляну, недоумевал: “И славу он нажил, и жизни он хорошей, но почему же он ругает Богородицу?”¹³.

Дважды посещавший Ясную Поляну американский журналист и писатель Д. Крилмен вспоминал свою встречу с графом, состоявшуюся в марте 1891 года. Речь в тот день зашла и о Джефферсоне. «В своей новой книге, — говорил Толстой, — я хочу привести слова Томаса Джефферсона о том, что минимум правительства есть лучшее правительство. Он мог бы пойти ещё дальше и сказать, что отсутствие правительства — ещё лучше»¹⁴.

Толстой внимательно изучал сочинения Джефферсона и несколько раз воспроизводил отрывки из них в своих трудах: «Круг чтения» (1904–1908)¹⁵, «На каждый день» (1906–1910)¹⁶, «Путь жизни» (1910)¹⁷.

«Хочу перевести ещё Jefferson'a», — записывает граф 22 июля 1891 года в своём дневнике¹⁸. Посему не подлежит сомнению, что «Библия Джефферсона» была графу хорошо знакома.

Что поделаешь: ересь штука заразительная, а враг человеческий не дремлет.

В связи с этим необычайно информативна статья У. Р. Мида, старшего научного сотрудника Г. Киссинджера по внешней политике США в Совете по международным отношениям. В журнале *Foreign Affairs* Мид опубликовал фундаментальную статью «Новый Израиль и старый». «На протяжении веков американское воображение настаивало на древнееврейских писаниях, — пишет Мид. — Это влияние, происходившее из открытия вновь Ветхого завета во время Реформации, было акцентировано развитием кальвинистской теологии (которая подчёркивала преемственность между старыми и новыми проявлениями Божьей милости) и было сделано более актуальным благодаря историческим аналогиям между современным американским и древнееврейским опытом; в результате язык, герои и идеи Ветхого завета насковзь пропитали психику американцев. <...> Обучение библейскому ивриту было обязательным на протяжении почти всего раннего периода истории США в Колумбии, Дартмуте, Гарварде, Принстоне и Йеле... Проповедники и памфлетисты вновь и вновь описывали Соединённые Штаты как новый Ханаан, «страну с молочными реками и кисельными берегами»¹⁹.

Американские религиозные деятели — и Джефферсон был в первом их ряду — яростно отрицали и отрицают Новый завет. Но отрицающий Новый завет а priori не может адекватно понимать и толковать Ветхий завет. Это всё равно что уподобиться историку, поставившему себе цель объяснить смысл и значение некоего целокупного события, ограничивающемуся анализом явления на ранней его стадии и оставляющему без рассмотрения стадии завершающей.

Подобное толкование Библии — явно сектантского характера. Посему и неприятие народов и государств, в основе жизни которых лежит Евангелие, носит, по сути, глубоко религиозный, скажем ещё жёстче — метафизический характер. Политика — всего лишь следствие.

Принятие Декларации независимости ознаменовало собой рождение государства «нового духовно-исторического типа»: христианского по форме и богорборческого по содержанию и внутренней логике (если оставаться в парадигме христианского учения).

Идейным стержнем такого государства становится не ведающая сдерживающих начал, включая жёсткие моральные и религиозные табу, человеческая субъективность («своеволие»).

Насколько глубоко индивидуалистически-атомистический взгляд на государство и общество уже вошёл в плоть и кровь людей, доказывает беспримерный успех книги Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». «Этот Робинзон, — писал Г. Еллинек, — явил взорам восхищённой Европы позапрошлого столетия образ индивидуума, который собственными силами, при содействии Провидения, после долгого одиночества основывает общежитие и устанавливает общественный строй. Это сочинение есть настоящий триумф социального атома, способного породить мир»²⁰.

Самоценность человеческого индивидуума стала следствием духовных процессов, ведущих своё начало с Ренессанса. Но одним из непосредственных источников стали идеи естественного права, лишённого уже своей религиозной онтологии и понимаемого в сугубо атеистическом плане. На это обстоятельство указывал, в частности, выдающийся германо-австрийский правовед Г. Еллинек²¹.

Человек занял место Бога в центре Мироздания, а потому определяющим принципом становится жёсткая максима: «Всё для человека». Но именно этот

предоставленный сам себе человек начинает определять степень комфортности своего существования. Следствием этого становится падение прежних авторитетов и табу и развитие субъективности. “Посюсторонний” человек объявляется “высшей ценностью”. Однако модусы человечности бесконечны, и в силу усвоенной нами логики и отсутствия прежних авторитетов и табу “высшей ценностью” может быть объявлен даже людоед, защита прав которого будет объявлена “священной”.

Человек становится в центре гуманизма, однако из этого гуманизма извергаются и уничтожаются все несогласные с гуманизмом, которые тем самым лишаются права быть Человеком, которого этот гуманизм якобы защищает.

И в том нет никакого парадокса. Напротив, присутствует своя железная логика.

Принятие Декларации независимости ознаменовало собой рождение государства “нового духовно-исторического типа”. В парадигме христианского учения – это призывание Антихриста. И это не фигура речи, а бесстрастный логический вывод. Вспомним, что частица “анти-” означает не только “против”, но и “вместо”. Но если Христос не Бог, а обычный по духу и плоти земной человек, каковым Его представил Джефферсон, то тогда вместо Христа в мир приходит “коллективный Джефферсон” со своим видением “разума” и “прав человека”.

И тогда становятся понятными бомбардировки православной Сербии на православную Пасху, когда на посылаемых в неё снарядах и ракетах бестрепетные руки выводили глумливые, нечеловеческие послания. Похоже, что сербы рассматривались в качестве новых хананеев.

По сути, “гуманитарные бомбардировки кого-то” означают, что этих “кого-то” не считают людьми вообще. И получается, что “люди” убивают “нелюдей”, а кто эти “нелюди”, решают исключительно “люди”.

По совершенно очевидной причине адепты “прав человека” всячески избегают обсуждения темы об их базисе, поскольку концепт прав человека в основе – предельно конъюнктурный плод религиозных воззрений сектантского толка отцов-основателей США, выполняющий ныне главную задачу – оправдание “исключительной роли США” в современном мире и их права на насилие в отношении других стран и народов. Косвенно “права человека” уже давно превращены в инструмент разрушения моральных и духовных устоев общества.

.....

**Поздравляем нашего многолетнего автора
Бориса Куркина
с 70-летним юбилеем!**

.....

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ellis J. J. American sphinx. The character of Thomas Jefferson. New York: Alfred A. Knopf, 1998. P. 54.

² Печатнов В. О. Гамильтон и Джефферсон. М.: Международные отношения, 1984. С. 107.

³ Печатнов В. О. Гамильтон и Джефферсон. М.: Международные отношения, 1984. С. 108.

⁴ Черкасов П. П. Лафайет. Политическая биография. М.: Мысль, 1991. С. 131.
⁵ Двусмысленности.

⁶ Octavo – в данном случае – размер книги в восьмую часть печатного листа.

⁷ The Jefferson Bible. The Life and Morals of Jesus of Nazareth. – Edited with a foreword. Second Edition. New York: Wilfred Funk, Inc., 1941. P. VII-VIII.

⁸ Jefferson T. The Jefferson Bible. The Life and Morals of Jesus of Nazareth. – Edited with a foreword. Second Edition. New York: Wilfred Funk, Inc., 1941. P. VIII.

⁹ См.: Куркин Б. А. Право на сопротивление как принцип конституционного права. // Фемис. Ежегодник истории и правоведения. Вып. 9. М., 2009. С. 113–115.

- ¹⁰ Печатнов В. О. Гамильтон и Джефферсон. М.: Международные отношения, 1984. С. 108.
- ¹¹ Еллинек Г. Изменения и преобразования конституций. Пер. с нем. В. М. Устинова. СПб: Типография Н. Н. Клобукова, 1907. С. 84.
- ¹² Документы истории Великой французской революции. Т. 1. / Отв. ред. А. В. Адо. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 218.
- ¹³ Маковицкий Д. П. У Толстого. 1904–1910. “Яснополянские записки” Д. П. Маковицкого. Книга третья. 1908–1909 (январь–июнь). М.: Наука, 1979. С. 237.
- ¹⁴ Creelman J. On the great highway. Boston: Lothrop Publishing Company, 1901. P. 145.
- ¹⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 42. Круг чтения (1904–1908). Том второй. – Государственное издательство художественной литературы М., 1957. С. 18, 538.
- ¹⁶ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 43. На каждый день (1906–1910). Часть первая. – М.-Л.: Государственное издательство, 1929. С. 272; Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 44. На каждый день (1906–1910). Часть вторая. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1932. – С. 249.
- ¹⁷ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 45. Путь жизни (1910). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 271.
- ¹⁸ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Том 52. Дневники и Записные книжки 1891–1894. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 47.
- ¹⁹ См.: Mead W. R. The New Israel and the Old // Foreign Affairs, 00157120, Jul/Aug2008, Vol. 87, Issue 4.
- ²⁰ Еллинек Г. Адам в учении о государстве. Библейское предание и политические теории. / Пер. с нем. С. М. Роговина. М.: Издание Н. Н. Ключкова, 1909. С. 28.
- ²¹ Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина / Пер. с нем. под ред. А. Э. Вормса. 2-е изд., пересмотр. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905. С. 63.